суперэкс
автогр
78 02/130
штемпель

2

БЛАЖЕННЫЙ МЕѲОДІЙ

ПЕРВОУЧИТЕЛЬ СЛАВЯНСКІЙ.

РѢЧЬ

А. Л. Дювернуа,

произнесенная въ Императорскомъ Московскомъ Университетѣ на чествованіи 1000лѣтія дня кончины блаженнаго Мееодія 6-го апрѣля 1885 г.

МОСКВА.
Университетская типогр., Страстной бульв.
1894.

Дозволено цензурою. Москва, сентября 29-го дня 1894 года.

Отъ начала славянской Церкви блаженный основатель ея и великій подвижникъ Христіанства Первосвятитель Меѳодій славенъ въ ней и по нынѣ какъ непрерывностью и силой преданія о немъ, такъ и величіемъ подвига и его внутреннимъ достоинствомъ.

Историческія судьбы его паствы своими превратностями, наступившими на разстояніи 15 лѣтъ по его блаженной кончинѣ, видоизмѣнили племенной ея составъ и преломили собою преданія о великомъ его подвигѣ. Племя славянское, составлявшее паству бл. Меѳодія, селилось на огромномъ пространствѣ теченія Дуная, обозначаемомъ двумя одноименными его притоками, западною Моравой, по которой и въ наше время называется ей соименная отрасль западныхъ Славянъ Моравanами, и Моравою Восточной, или Болгарскою, отдѣляющею Сербское племя отъ Болгарскаго. Великое племя, заселявшее собою цѣлую область средняго теченія Дуная, покорное единой державѣ народной династіи Моймаридовъ, подѣлилось между двумя сыновьями современнаго бл. Меѳодія, Князя Святополка, изъ которыхъ старшій, соименный родоначальнику династіи. Моймиръ занялъ престолъ отца. Младшій братъ, соименный отцу, кн. Святополкъ, повинуясь корыстнымъ внушеніямъ герцога баварской марки Изанриха, отторгъ отъ великаго цѣлаго удѣлъ и, нарушая столь близкіе завѣты, единой державы Моравской, содѣйствовалъ лишенію роди-

ны ея оборонительной силы. Слабый эпигонъ династіи Карловинговъ, Императоръ Арнульфъ, въ своемъ безсиліи противустать честолюбію баварскихъ вассаловъ, въ послѣдніе годы своего правленія, совпадающіе съ исходомъ IX в., былъ свидѣтелемъ безпримѣрно быстраго завоеванія восточныхъ предѣловъ его имперіи семью кочующими племенами Арпада. Ходъ событій, впрочемъ, не позволяетъ въ точности измѣрить, въ какой степени оборонительная сила велико-моравскаго Княжества была ослаблена раздоромъ ея правителей. Она была ослаблена прежде всего способомъ завоеванія. Придвинувъ свои семь племенъ къ Седмиградіи, Арпадъ, ихъ предводитель услышалъ отъ передовыхъ развѣдчиковъ восторженныя извѣстія о природномъ богатствѣ и красотѣ дунайской долины. Одушевленный мыслію о насиліи, онъ облегчилъ его исполненіе коварствомъ. Послалъ Князю Моймиру взнузданнаго и осѣдланнаго коня въ даръ и въ свидѣтельство миролюбиваго заселенія его угорскими племенами пустыхъ областей великой долины, Арпадъ просилъ у него въ отвѣтъ комка его родной земли, куска дерна и дунайской воды. Въ удивленіи отосланные Моймиромъ дары получили смыслъ коварнаго символа завоеванія: Арпадъ напалъ на безоружное населеніе съ вооруженной конной ордой и поплѣнилъ его мечомъ. Исторія не передаетъ кровавыхъ эпизодовъ гибели Княжества, молчаливо удаляя съ своихъ страницъ самое его имя. Такъ исчезло оно за роковымъ предзнаменованіемъ о его гибели, посланнымъ судьбою бл. Константину. Проходя въ своемъ раннемъ апостольскомъ призваніи степями меотійскими, по пути къ двору Кагана Хазарскаго, почти за полстолѣтіе до катастрофы бл. Константинъ впервые прорекъ въ своей подвижнической жизни надвигавшуюся тогда грозу. Тамъ «*нападоша нань Оугры, яко и влъчьски выюще, хотяще оубити его. Онъ же не оужасеся, ни остави своея молитвы, кирiе елеисонъ тъкмо зовый*».

Племя Моравянъ, а съ нимъ и священная почва проповѣди и святительства бл. Меѳодія были легкою добычей угорской орды, одновременно проникшей черезъ Баварію и Славянскія области югозападныя до самыхъ предѣловъ Италіи. Пережившіе погромъ Моравяне, съ теченіемъ лѣтъ незамѣтно приражаясь сосѣдившими имъ славянскими племенами, слились съ ними, не оставивъ живаго голоса, въ подлинности передающаго священный языкъ преданной письму литургіи и св. Евангелія.

Нынѣ, на склонѣ девяти вѣковъ, исчезающія преданія о государственномъ величіи Меѳодіевой паствы хранятся Церковью и изъ ея лишь священныхъ источниковъ наука можетъ извлечь наиболѣе вѣрную память о великомъ подвигѣ Первосвятителя. «*На камени ты вѣры утвърди ногѣ свои, блажене Меѳодіе*!» поетъ древнее славословіе о немъ.

Духовно возрожденныя имъ славянскія племена осуществили свою признательную о немъ память славословіемъ его имени, канономъ или службою по немъ, въ творцѣ котораго наука, по точнымъ изысканіямъ, признала одного изъ непосредственныхъ учениковъ во блаженныхъ почившаго первосвятителя Меѳодія. Подъ 6-мъ днемъ Апрѣля м. въ Служебной минеѣ древнѣйшаго южнославянскаго извода, писанной на пергаминѣ XIII-го в., читаются тропари или молитвенныя обращенія древняго канона, числомъ болѣе 40, и языкомъ и содержаніемъ не допускающіе сомнѣнія о ихъ сочиненіи въ приснопамятную эпоху Меѳодіевой проповѣди и святительства. До наступленія роковаго 905 г., когда Моравская держава была покорена Уграми и самое ея имя повергнуто забвенію, могъ творецъ канона въ слѣдующихъ выраженіяхъ почтить память своего вѣчность стяжавшаго учителя: «*Моравская страна вели заступъ и стълбъ имѣя къ Богу, тобою просвѣщена, научи въспѣвати въ свой языкъ. Юже ти приносимъ молъбу, пръблажене, приими изъ устъ недостоинъ, прилѣжьно молися Христу за стадо свое*». Составъ этого

молитвеннаго обращенія, прочимъ своимъ содержаніемъ доступный всякому соплеменному чтителю памяти св. Меѳодія, лишь первыми своими реченіями, но тѣмъ знаменательнѣе! относитъ насъ къ эпохѣ проповѣди: въ немъ ищутъ ученики и сильнаго помощника ихъ мольбѣ предъ лицемъ Всевышняго (вели заступъ) и лѣствицу къ его Престолу (и стълбъ имѣя къ Богу), — въ томъ древнемъ значеніи *стлъба* или *слъба*, которому усвояется значеніе лѣствицы, по родству этого реченія съ глаголомъ *слати*, въ см. возводить, открывать входъ. 36 обращеніе канона, въ ничѣмъ еще не прерванной памяти о блаженной кончинѣ Меѳодія, согласно съ достовѣрными о томъ свидѣтельствами указуетъ и мѣсто храненія свв. мощей блаженно почившаго, такъ внезапно для его непосредственной паствы попранное завоевателемъ: «*Тя, блажене! поетъ земь моравьская, честно твое тѣло имущи*». Какъ бы въ роковомъ предчувствіи скорой разлуки съ останками великаго наставника, ученики Меѳодіевы, въ безпримѣрно быстромъ слѣдованіи за его кончиною, воздавали честь его великой памяти тѣмъ самымъ даромъ, который только что отъ него пріяли, даромъ письму преданной хвалы его подвигу. И почитая славу его имени возносящеюся надъ чредою вѣковъ, двумя стезями возводили вѣрные ученики память великаго наставника къ астольскому вѣку Христіанства: по рожденію Солунянинъ, онъ являлся ихъ вдохновенной мысли преемникомъ св. первоапостола Павла, благодатію своего слова (къ Сол. I, ч.) указавшаго въ Солунянахъ образецъ для вѣрующихъ; по проповѣди, онъ былъ для всего христіанскаго міра преемникомъ одного изъ 70 апостоловъ, св. Андроника, еп. панонскаго. «*Обрѣтеся новый Павълъ, въсь миръ Богови приобрѣте*», поетъ одинъ тропарь въ службѣ св. Меѳодію. «*Истый настольникъ апостола славнаго Андроника славне! явися*», продолжаетъ другой, историческимъ своимъ смысломъ давая особую силу указанной преемственности.

Въ цѣломъ своемъ составѣ взятый, канонъ св. Первосвятителямъ Славянскимъ, удаляетъ всякую мысль о томъ, чтобы ученики меѳодіевы были свидѣтелями погрома, постигшаго ихъ родину отъ меча Угровъ. Нашествіе Угровъ на Моравію въ первые годы X столѣтія уже не застало ихъ тамъ. Они покинули священную почву на другой годъ по кончинѣ великаго подвижника и, въ своихъ славословіяхъ, къ древнѣйшимъ, воспѣтымъ ими у самаго гроба бл. Меѳодія, они присоединили новыя, указывающія на всѣ направленія, коимъ слѣдовали они, покидая родину. «*Тя молимъ, Меѳодіе святителю славне! разгнаное еретикы стадо твое схрани въ вѣрѣ правовѣрнѣй молитвами си, отче*». Удаленіе ихъ въ предѣлы юга многократно засвидѣтельствовано историческими сказаніями, и въ подробности намѣченъ путь ихъ въ Болгарію. Въ древнемъ греческомъ житіи бл. Климента болгарскаго находимъ южное направленіе ихъ пути описаннымъ съ подробностью, удостовѣряющею въ радушіи, съ которымъ были они приняты въ предѣлы новаго отечества, уже пріявшаго св. Крещеніе. Въ Болгарію послѣдовали изъ учениковъ Меѳодія Наумъ, Савва, Ангеларій, Климентъ, Константинъ. Объ начальныхъ легенда говоритъ въ самыхъ неопредѣленныхъ выраженіяхъ: ἄλλος ἀλλαχοῦ διεσπάρησαν (разсѣялись они кто куда). Канонъ памяти свв. Первоучителямъ составленъ въ ту первоначальную эпоху, когда творцы его не могли еще приразиться мѣстнымъ оттѣнкамъ той или другой избранной ими новой родины, и, не различая племенъ, 15 тропарь такъ молитъ своихъ свв. заступниковъ: «*Одесную предстоящя пресвятыя Троица учителя, молишася съхранити стадо словѣньское*». И обнимая весь составъ паствы, внявшей проповѣди св. Меѳодія, составители службы внесли въ нее и дальній отголосокъ сѣвера: «*Моравьскыя земля велей гражданинъ, слава же и похвала съверъскыя страны, святитель бо Меѳодіе высокымъ нынѣ съзываетъ проповѣданіемъ*». Этимъ отголоскомъ, содержащимъ въ себѣ дорогое

для насъ преданіе первоучениковъ Меѳодія, они съ высоты воззрѣнія свойственной духовному величію ихъ учителя, раскрываютъ истину, затемненную послѣдующими событіями. Ихъ высокій отголосокъ находитъ свое оправданіе не въ однихъ краткихъ извѣстіяхъ древнѣйшей русской лѣтописи о бесѣдѣ В. Кн. Ольги съ Императоромъ Византійскимъ Іоанномъ Цимисхіемъ, о ея совѣтахъ сыну духовно возродиться св. крещеніемъ... Та чистота древне-славянской традиціи, какая соблюдена въ языкѣ древнѣйшаго памятника Новгородской письменности, въ Евангеліи Остромировомъ, возвышаетъ и языкъ и безупречно-правильный текстъ этого памятника неизмѣримо надъ новою традиціей священнаго языка, поступившею изъ новой родины учениковъ Меѳодія, изъ Болгаріи, въ великое княженіе св. Владиміра, послѣ 988 года.

Разошедшіеся ученики сравниваютъ великаго учителя съ заходящимъ на западѣ свѣтиломъ и исторически вѣрно возносятъ свои мольбы къ нему, обращаясь къ западу: «*Ты отъ запада, святе въсиа, яко же звѣзда своя лоуча слющи до въстока и сѣвера и до югъ, славне Меѳодіе* считая восточное и сѣверное направленіе лучей свѣтила наиболѣе сильными.

И многократно призывая его на помощь противъ еретиковъ, взываютъ: «*Тя имать отче! земь моравьская стѣну тврѣду еюже побѣждаемъ еретикы*», принимая слово *стѣна* въ его древнемъ значеніи *скалы*. «*Храберъ борець Меѳодіе*», какъ называетъ его славословіе, оставилъ исторіи тайный завѣтъ о величіи своего апостольскаго призванія; и тайну этого завѣта разоблачаютъ вѣрные ученики, восхваляя то сдержанное мужество, съ коимъ онъ, во все теченіе своего святительства, воздерживалъ церковь Римскую отъ явнаго исповѣданія догмата объ исхожденіи св. Духа и отъ сына (filioque) и внесенія его въ обязательный для всѣхъ вѣрующихъ символъ исповѣданія: *ересьмъ въсѣмъ противънъ явися Меѳодіе, отъ Отьца убо параклита*

исходяще, а не сыну глаголя, нъ равьньствъмъ Троицю чисти исповѣдающе.

Въ вопросѣ о догмѣ бл. Меѳодій на обѣихъ каѳедрахъ, имъ основанныхъ, долженъ былъ съ самаго занятія ихъ и до бл. кончины неуклонно противоборствовать ложному исповѣданію догмы объ исхожденіи св. Духа съ мѣстнымъ духовенствомъ: по каѳедрѣ панонской— съ зальцбургскимъ, по моравской—съ пасаускимъ. Оба клира въ своихъ притязаніяхъ на славянское населеніе Паноніи и Моравіи, опирались прежде всего на право относительной давности ихъ проповѣди, хотя бы и вовсе не привившейся къ населенію страны. Мнимое право баварскаго клира вовсе исчезало передъ булами римскаго епископа, смысломъ коихъ бл. Меѳодій назначался и утверждался Адріаномъ II и Іоанномъ VIII на епископскую каѳедру Паноніи и архіепископскую въ Моравіи. Слабую сторону своихъ правъ мѣстный клиръ опиралъ на свѣтскую власть современнаго ост-франкскаго короля Лудовика Нѣмецкаго, верховенство коего признавали великіе князья Моравіи. Опора и защита, какую могъ дать король Лудовикъ остфранкскому клиру противъ Меѳодія, были, при отдаленности отъ Рима, очень значительны. Династія Карловинговъ гордилась именемъ своего родоначальника Арнольфа, признаннаго Церковью святымъ, и на традиціи предка, св. Арнольфа Карлъ В. основалъ широкія права на верховенство въ дѣлахъ Церкви, преимущественно же по ея миссіи, въ предѣлахъ племенъ, мѣстною Церковью обращаемыхъ въ Христіанство. Свою церковную прерогативу Карлъ В. простиралъ и на догмы вѣроученія. Въ законодательныхъ актахъ, или Капитуляріяхъ Карла В., наполненныхъ узаконеніями, касающимися Церковной администраціи, находимъ среди нихъ и спорный догматъ внесеннымъ въ символъ Исповѣданія кратчайшей редакціи. Свою стойкость въ исповѣданіи догмата Карлъ В. имѣлъ случай доказать въ спорѣ, возникшемъ въ 808 году. Осно-

ванный имъ въ Іерусалимѣ монастырь былъ облеченъ миссіей поддерживать вліяніе Имперіи на Востокѣ. Франкскіе монахи, во главѣ коихъ былъ поставленъ аббатъ Григорій Энгельбальдъ, по происхожденію Нѣмецъ, не замедлили явнымъ исповѣданіемъ спорнаго догмата возбудить негодованіе и осужденіе со стороны господствующаго греческаго духовенства.

Взаимныя осужденія, доходившія до крайняго раздраженія, вынудили патріарха іерусалимскаго Ѳому представить дѣла на усмотрѣніе самого Императора Карла.

Ахенскій соборъ, созванный Карломъ, собралъ всѣ надлежащія справки какъ въ Отеческихъ Твореніяхъ, такъ и въ Соборныхъ Дѣяніяхъ и перенесъ дѣло на рѣшеніе папы Льва III. Послѣдній, въ присутствіи императорскаго посольства и кардиналовъ, выразилъ свое одобреніе правильности представленныхъ доказательствъ и призналъ догматъ истиннымъ душеспасительнымъ въ подробномъ исповѣданіи вѣры, строжайше притомъ воспрещая вносить его въ краткій символъ, вслѣдствіе полной недоступности его глубокаго смысла для мірянъ. Папа Левъ III, только-что разрѣшившій клиру Карла произносить противъ обычая римской Церкви громко символъ вѣры за литургіей, посовѣтовалъ послѣ долгихъ, интимныхъ съ нимъ совѣщаній, скорѣе не пользоваться его разрѣшеніемъ, чѣмъ произносить громко въ присутствіи мірянъ слово filioque. Въ интимномъ собесѣдованіи данный папою совѣтъ не былъ принятъ имперскимъ духовенствомъ; и, если въ Западной половинѣ Имперіи Карловинговъ эпизодически, въ теченіе IX вѣка, онъ находилъ себѣ послѣдователей, то въ восточной, въ государствѣ ост-франкскомъ, король Лудовикъ Нѣмецкій слѣдовалъ въ точности традиціи дѣда своего Карла В. Раздѣляя съ Карломъ В. его склонность къ духовному образованію, внукъ его Лудовикъ Н. много содѣйствовалъ процвѣтанію столь плодотворной для нѣмецкой націи школы фульдскаго монастыря, состоялъ въ перепискѣ съ его

аббатомъ Рабаномъ и принималъ личное участіе въ разрѣшеніи какъ догматическихъ, такъ и церковно-административныхъ трудностей, возникавшихъ на мѣстныхъ соборахъ.

Въ противуположность той многосложной и многостепенной зависимости, въ которой исповѣдовалъ христіанское вѣроученіе клиръ зальцбургской Митрополіи и насауской эпархіи, Солунскіе братья и по роднымъ преданіямъ и по личному ихъ настроенію не отклонялись отъ евангельской чистоты исповѣданія. Разъясняя истины религіи исповѣдникамъ ислама, Срацинамъ и открывая къ нимъ доступъ ихъ грубо-чувственнымъ умамъ помощью геніальныхъ обобщеній въ притчахъ, бл. Константинъ былъ искушаемъ ими къ уплатѣ хотя бы «*тькмо единаго златика*», коимъ засвидѣтельствовалъ бы свою и своихъ ближнихъ зависимость отъ калифата или, по византійской терминологіи, америмната сарацинскаго. Бл. Константинъ, давая ветхому слову новый смыслъ и именуя Римомъ Царьградъ, въ такихъ словахъ возразилъ исповѣдникамъ Ислама: «*егда Христосъ дань дасть, кое царьство бѣ? измаилтьско или римьско?*»—и на отвѣтъ: «*римьско*», сказалъ: «*тьмь же не подобаетъ намъ зазирати, понеже римляномъ вьси даемъ дань*». Еще яснѣе разъяснилъ онъ новый смыслъ ветхаго имени въ преніяхъ съ казарскими жидовствующими книжниками, искушавшими его языческимъ прошлымъ Рима: *Римьское царьство оуже мимо шьло есть, наше бо царьство нѣстъ римьско, нъ христосово*». Эта высота настроенія можетъ быть всецѣло приписана и старшему брату, Меѳодію: «*Апостольскую благодать не исполоу отъ Бога «пріимъ, оче Меѳодіе»* гласитъ 3 славословіе его службы на 6-ое Апрѣля.

Его мы видимъ на далекомъ сѣверо-западѣ отъ родины, въ Паноніи и Моравіи не преніями искушаемаго, но жизнью:—видимъ его, въ защиту имъ основанной церкви исповѣдающимъ Солуни подобающую чистоту евангель-

скаго ученія предъ негодующимъ сонмомъ условно исповѣдающаго клира, клира всесильнаго, опирающагося на главу государства: на соборѣ предсѣдательствовалъ король Лудовикъ, руководившій преніями. Присутствіе короля на соборѣ духовенства, тогда обычное, въ данномъ случаѣ имѣло особенно глубокій смыслъ для зальцбургскаго клира, такъ какъ на свѣтской власти и на завоеваніи основывалъ онъ въ теченіе 75 лѣтъ возросшія его права на проповѣдь въ Панноніи, завоеванной Карломъ В. у Аваровъ. Посвященіе Меѳодіево во епископа панонскаго должно было изойти отъ святительской власти римскаго епископа, на основаніи давности правъ римской митрополіи на Иллирію въ обширномъ смыслѣ, со включеніемъ Нижней Панноніи и Моравіи: По юридической аргументаціи Рима, почерпавшаго ее изъ 9 новеллы Юстиніана, лишь исходъ ста лѣтъ (а не 75) даетъ клиру право давности въ церковномъ управленіи завоеванною страной. Таковъ былъ обмѣнъ доказательствъ, приведенный Римомъ въ его эпистолахъ мѣстнымъ духовенствомъ въ его жалобномъ свидѣтельствѣ (testimonium querulum). Бл. Меѳодій, съ мужествомъ, стяжавшимъ ему сочувствіе короля, оборонялъ ненарушимость древнихъ каноновъ церкви и, основываясь на преобразовательномъ смыслѣ имени св. Первоапостола Петра, безбоязненно укорялъ зальцбургскій клиръ въ корыстномъ его рвеніи: «*блюдѣте ся, еда како хотяще желѣзноу гороу костянѣмъ тѣменѣмъ пробити, мозгъ вашь изліете*». Уже рѣшившись покинуть Панонію, Меѳодій, въ отвѣтъ королю на слова утѣшенія, произнесъ, обращаясь къ клиру: «*Философа потъна иногда сърѣтъше людіе рѣша: чьто ся потиши? дѣеть онъ: съ гроубою ся чадью пърѣхъ*». Не укоризна гнѣва сказалась въ этихъ словахъ мученика; ими онъ еще разъ призывалъ соборъ— отложиться отъ корыстныхъ цѣлей и узъ временной зависимости во спасеніе духовнаго ихъ стада.

Соборъ зальцбургскаго клира, въ присутствіи короля,

происходилъ въ 871 году. Черезъ 10 лѣтъ, въ 881 году, на новомъ его святительскомъ поприщѣ, въ Моравіи, весь враждебный ему составъ страны Моравской сонмомъ возсталъ на Меѳодія, и, послушный внушеніямъ его врага, пасаускаго клирика Вихинга, соборъ внялъ ложному голосу подложныхъ, Вихингомъ изготовленныхъ эпистолъ папскихъ, смысломъ коихъ бл. Меѳодій лишался святительской власти Легенда, заслужившая въ наукѣ своею подлинностію названіе панонской, т. е. составленной на самомъ мѣстѣ меѳодіевой проповѣди, различаетъ въ этомъ сонмѣ враговъ явныхъ и тайныхъ, о послѣднихъ говоря: «*а другыи таи, иже болятъ иопаторьскою ересью*». Слово *иопаторьская ересь*, принадлежностью къ которой характеризуются въ легендѣ *тайные* враги Меѳодія, имѣетъ глубокій смыслъ. По своему этимологическому значенію, оно сложеніемъ греческихъ синонимовъ славянскихъ *сынъ* (υἱὸς) и *отьць* πατήρ обозначаетъ ту опасную сторону догмата объ исхожденіи св. Духа и отъ сына (filioque), по которой спорный догматъ перераждается въ савеліеву ересь III в. о божественной монадѣ и угрожаетъ крайнимъ колебаніемъ всему ученію о пресвятой Троицѣ. Въ совѣщаніяхъ съ имперскимъ духовенствомъ Карла В., папа Левъ III, предвидя соблазнъ, воспрещалъ вносить слово filioque въ символъ краткой редакціи, совѣтуя скорѣе вовсе не произносить за литургіей символа Вѣры, чѣмъ произносить его съ словомъ filioque. Слабость воспрѣта имѣла, какъ мы видѣли, самыя рѣшительныя послѣдствія, для клира восточной половины Имперіи Карловинговъ. Приведенное свидѣтельство панонской легенды о тайныхъ врагахъ Первосвятителя приводитъ насъ къ неизбѣжному заключенію о томъ, что въ моравской эпархіи бл. Меѳодія ниже враги его дерзали открыто исповѣдовать спорный между церквами догматъ ибо исповѣдующіе его причисляются легендою къ тайнымъ врагамъ его святительства. Ученикамъ же своимъ бл. Меѳодій открыто и ис-

кренне обличалъ всю глубину ереси, могущей изъ него возникнуть, и усвоилъ для нея въ устахъ учениковъ полемическое ея обозначеніе *ересью іопаторьскою.*

Итакъ, враги Меѳодія, какъ сказано въ легендѣ, «*събравъше вься люди моравьскыя веляхоу прочисти епистолию, да быша слышали изъѣнаніе его*». Волненіе, возбужденное Вихингомъ, было такъ велико, что состоялся, по его зову земскій соборъ Мораванъ, на которомъ было прочтено подложное отлученіе св. Меѳодія отъ святительства. Міряне (**людиѣ**) предавались горькому сѣтованію о потерѣ такаго пастыря и учителя, за исключеніемъ слабыхъ, вѣру которыхъ приводилъ въ колебаніе хитро замышленный обманъ, «*яко вѣтръ листіе*», сравниваетъ легенда.

На земскомъ соборѣ великаго княжества моравскаго, собранномъ въ 881 году, обнаружилось волненіе, заготовленное врагомъ Меѳодія по обдуманному и широко обоснованному плану враждебныхъ противъ него дѣйствій. Отъ 18 Іюня 879 г., слѣд. за два года до возбужденнаго волненія, открывается въ регестахъ римской куріи рядъ эпистолъ папы Іоанна VIII, обнаруживающихъ съ полною ясностью, что возникновенію ихъ долженъ былъ предшествовать рядъ ложныхъ увѣдомленій о проповѣди бл. Меѳодія, исходившихъ съ самаго мѣста его проповѣди и изъ устъ его врага. Отъ 18 Іюня 879 г. даны были Іоанномъ VIII двѣ эпистолы, одна самому Меѳодію, другая великому князю Святополку. Изъ нихъ въ первой папа Іоаннъ VIII въ очень краткихъ выраженіяхъ, основываясь на слухахъ (audivimus), обвиняетъ Первосвятителя въ томъ, что онъ учитъ ввѣренное ему стадо не тому, что ученіемъ св. Первоапостола предано святой римской Церкви и что такимъ ученіемъ онъ вводитъ его въ заблужденіе. Повелѣвая ему немедленно явиться въ Римъ для устнаго отчета въ томъ, что его исповѣданіе согласно съ засвидѣтельствованнымъ имъ при освященіи, папа Іоаннъ VIII въ заключеніе воспрещаетъ Меѳодію произносить литургію на язы-

кѣ варваровъ (in barbara hoc est in sclavina lingua), предписывая замѣнить славянскій языкъ литургіи латинскимъ или греческимъ. Смыслъ этой цитаторной эпистолы восполненъ былъ другою, данною въ тотъ же день, назначенною для кн. Святополка. Сличеніе обѣихъ эпистолъ, возникшихъ по одному и тому же побужденію, особенно поучительно. Оно открываетъ не только внѣшніе стимулы дѣла—клевету враговъ Меѳодія, но и тѣ внутреннія побужденія, которыя руководили главою римской Церкви. Эпистола къ кн. Святополку, вообще болѣе обширная въ своей лишь послѣдней части, меньшей по объему, дословно повторяетъ взводимыя на Меѳодія обвиненія съ указаніемъ на тотъ же источникъ слуховъ (audivimus). Первая часть эпистолы къ Святополку, составляющая ея собственное содержаніе, наполнена милостивыми выраженіями, сопровождаемыми всѣми принятыми въ эпистолярномъ стилѣ римской куріи риторическими украшеніями. Касаясь какихъ-то сомнѣній въ вопросахъ исповѣданія, папа Іоаннъ VIII тщательно обходитъ обозначеніе ихъ и всю силу своихъ словъ обращаетъ на то, чтобы внушить князю незыблемое довѣріе къ Римской Церкви, какъ единственному источнику Истины. Словомъ содержаніе папской эпистолы къ кн. Святополку вполнѣ удостовѣряетъ читателя въ томъ, что навѣты Вихинга и его партіи имѣли два послѣдствія: 1) прямое послѣдствіе, по которому папѣ внушено было сомнѣніе въ искренности св. Первоучителя; и 2) косвенное, по которому папѣ, независимо отъ прямыхъ цѣлей клеветника, дано было вполнѣ соотвѣтствующее дѣйствительности понятіе о томъ, что кн. Святополкъ склоняется на сторону враговъ бл. Меѳодія, т. е. на сторону ост-франкскаго, нѣмецкаго духовенства, искавшаго всегда опоры въ свѣтской власти и въ религіозныхъ преданіяхъ Карловинговъ, противъ возраставшаго авторитета Римскаго епископа. Папа Іоаннъ VIII, по смыслу его двухъ эпистолъ отъ 879 г., былъ болѣе озабоченъ этимъ колебаніемъ кня-

зя, грозившимъ отторженіемъ отъ Рима столь много ему обѣщавшей панонско-моравской паствы, чѣмъ личными навѣтами на бл. Меѳодія.

Къ такому объясненію эпистолъ Іоанна VIII приходимъ двоякимъ путемъ. Общій характеръ святительства папы Іоанна VIII обнаруживаетъ въ немъ талантливаго правителя, пріобыкшаго къ гибкой политикѣ, къ которой отчасти былъ онъ вынужденъ, какъ внутренней борьбой за границей Римской области съ сосѣдними Итальянскими княжествами, такъ и беззащитностью, коей былъ обреченъ Римской престолъ враждебнымъ къ нему отношеніемъ западныхъ Карловинговъ. Съ другой стороны, кн. Святополкъ въ эти годы, дѣйствительно, по свидѣтельству греческой легенды о бл. Климентѣ, не обнаруживалъ никакой преданности къ строгому исполненію церковныхъ каноновъ бл. Первосвятителю и нерѣдко прибѣгалъ къ всесторонне засвидѣтельствованной снисходительности остфранкскаго клира. Отъ него лишь могъ онъ ожидать легкаго разрѣшенія каноническихъ трудностей въ его семейныхъ дѣлахъ.

Итакъ, вызывая Меѳодія въ Римъ, папа Іоаннъ VIII въ оффиціальномъ теченіи дѣла ожидалъ отъ него повторительнаго исповѣданія вѣры, оживляясь при этомъ мыслью устроить отношенія къ Моравской эпархіи наиболѣе выгоднымъ для Рима образомъ. Милостивый тонъ эпистолы къ кн. Святополку побудилъ послѣдняго присоединить къ Меѳодію для его представительства владѣтельнаго вельможу Моравіи, вѣрнаго Святополку, который названъ папою его славянскимъ именемъ въ невольномъ для непривычныхъ устъ искаженіи. Принявъ Меѳодія въ Римѣ, папа черезъ годъ послѣ цитаторной эпистолы, въ Іюнѣ же 880 г., въ обширномъ посланіи, назначенномъ кн. Святополку, восхваляетъ въ восторженныхъ выраженіяхъ преданность князя римскому престолу, простирая къ нему объятія какъ къ единственному сыну Церкви (apostolatus nostri ulnis

extensis te quasi unicum filium amore ingenti amplectimur). Въ этой, меньшей по объему, части эпистолы, папа, въ ея заключеніе, вкратцѣ увѣдомляетъ князя о полномъ согласіи Меѳодіева исповѣданія съ евангельскимъ и апостольскимъ вѣроученіемъ, какъ проповѣдуетъ его Римская Церковь. Вторая, бо́льшая по объему половина посвящена административнымъ распоряженіямъ папы, коими Вихингъ, врагъ и клеветникъ Меѳодія назначается епископомъ суфраганомъ въ Нитрѣ, во всемъ Меѳодію подчиненнымъ. Папа, кромѣ того, былъ, очевидно, озабоченъ и тѣмъ, чтобы на всей обширной территоріи велико-моравскаго государства не нашлось уголка, въ которомъ могло бы зародиться противодѣйствіе святительскому авторитету бл. Меѳодія, и съ этою цѣлью папа проситъ князя выслать въ Римъ въ надлежащую пору (apto tempore) священника или діакона для посвященія его вторымъ суфраганомъ архіепископу Меѳодію и для назначенья его святительской властью Меѳодія на вновь имѣющую открыться епископскую каѳедру. Всѣ клирики велико-моравскаго княжества, какой бы націи они ни принадлежали, за отвѣтственностью князя, подчиняются смысломъ булы власти архіепископа Меѳодія; непокорные же, будутъ ли они виновны въ соблазнительныхъ дѣйствіяхъ или въ отступленіяхъ по вопросамъ вѣры, по троекратномъ обличеніи, обрекаются на отлученіе отъ Церкви. Благоговѣя предъ памятью великаго брата, бл. Меѳодій напомнилъ папѣ въ немъ и его чтимомъ имени священный источникъ письма и литургіи славянской. По внушенію самого Меѳодія и опирая на священномъ для всѣхъ имени слабѣющія права римскаго престола, папа Іоаннъ VIII внесъ въ свою іюньскую булу 880 года и памятныя наукѣ слова: «Literas denique sclaviniscas a Constantino quondam philosopho repertas, quibus deo laudes debite resonent, jure laudamus». Эти слова эпистолы, свидѣтельствующія о благоговѣніи Рима предъ святыми мощами, покоящимися въ его стѣнахъ

вмѣстѣ съ тѣмъ указываютъ и на тѣ великія утѣсненія, которыя побудили Меѳодія призвать къ защитѣ своей паствы всѣ священныя преданія его проповѣди. Римскія преданья о Константинѣ Солунскомъ возвышаютъ смыслъ и значеніе іюньской эпистолы 880 г., въ остальномъ ея содержаніи обнаруживающей всего болѣе свойственную папѣ Іоанну VIII находчивость и гибкость его правительской руки.

Изъ дѣяній земскаго собора Моравіи, созваннаго Вихингомъ въ 881 году мы знаемъ, что хвалебная Меѳодію булла была замѣнена подложною, обрекающею Святителя на изгнаніе. Волненія, возбужденныя ею въ ост-франкскомъ составѣ Моравскаго княжества, имѣли цѣлью совмѣстное противодѣйствіе какъ стремленіямъ римскаго папы, такъ и успѣхамъ благой проповѣди св. Меѳодія. На жалобы Меѳодія папа отвѣчалъ новою эпистолой отъ 10 Апрѣля 881 г. Въ ней, упоминая о превратностяхъ и искушеніяхъ, приготовленныхъ ему его врагомъ — епископомъ, папа Іоаннъ VIII утѣшаетъ и ободряетъ его къ дѣятельности въ принятомъ направленіи, угрожая его врагамъ правосудіемъ Рима. Папа упоминаетъ о своей булѣ, назначенной кн. Святополку, и липаетъ довѣрія всякій другой актъ, въ чемъ бы то ни было противорѣчащій іюньской булѣ 880 г. Будучи зачитана на земскомъ соборѣ послѣднимъ его дѣяніемъ, апрѣльская эпистола 881 г. даровала вѣрной паствѣ Меѳодія утѣшеніе и удалила въ слабыхъ сомнѣніе въ его священномъ призваніи. «*И посрамльшеся разидоша ся, яко мьгла, съ стоудомь*».

Если главная цѣль, преслѣдуемая папою Іоанномъ VIII, была достигнута, то остается вопросомъ, какимъ образомъ, при устномъ исповѣданіи вѣры, представленномъ въ Римѣ бл. Меѳодіемъ, могла быть удалена съ такою легкостью догматическая трудность, отъ которой исходилъ навѣтъ Вихинга? Въ виду настроенія папы и его живыхъ ожиданій на пользу и утвержденіе римской Церкви въ пре-

дѣлахъ восточной половины Имперіи Карловинговъ, трудность догматическая, касающаяся іопаторской ереси, могла быть удалена, по мнѣнію первенствующаго авторитета въ вопросахъ Церковной Исторіи, кард. Гергенретера (Photius II, 623) предпочтеніемъ словъ per filium (διὶ υἱοῦ) слову filioque, въ которыхъ находили примиреніе отцы восточной Церкви (Максимъ, Іоаннъ Дамаскинъ) и къ которымъ не такъ давно прибѣгалъ папа Адріанъ I въ соборныхъ преніяхъ, возникавшихъ въ его время между клиромъ имперскимъ и духовенствомъ вѣрнымъ Риму.

Такъ побѣждалъ бл. Меѳодій, вѣрный преданіямъ родины, враговъ правовѣрія. «*Илія дроугыи рьвеніемь явися на земли, Меѳодіе свѧте! въсякы ереси попаляя богодъхновеныимъ ученіемъ*»; такъ славословятъ его вѣрные первоученики въ службѣ на 6-ое Апрѣля.